

С помощью силы ветра железная цепь пронеслась вперед на десять метров, вырвавшись из ловушки зыбучих песков. Го Цзы заметил опору и в тот же миг небесный гром рассек мутное небо: выпуклость треснула, образовав небольшую ямку, и цепь опустилась с силой, мгновенно покрывшись желтым песком. Веревка натянулась, но несколько человек остались на месте, опасаясь пошевелиться. Песок был рыхлым, и, хотя веревка казалась прочной, она не могла выдержать натяжения. Ао Чэнъи вытащил из кармана остатки арбузных семечек и предложил Лу Чаояну: — «Попробуй прорасти, оберни веревку и двигайся вперед, глубже уходи в землю». — Хорошо, — ответил Лу Чаоян. Несколько семян оказались в его руках, и вот зелёные побеги начали медленно пробиваться сквозь песок. Лианы обвились вокруг веревки и продолжали свой путь к тому месту, где железная цепь укоренилась, затем начали расползаться вокруг. Лицо Лу Чаояна стремительно стало бледным, и он не остановился, пока не исчерпал последние силы: — «Брат, предел достигнут. Не знаю, сработает ли это». Ао Чэнъи кивнул: — «Я попробую первым». Он взобрался по веревке и осторожно потянул её вверх, она то натягивалась, то ослабевала, вызывая недоверие. Ао Чэнъи не осмеливался прилагать слишком много усилий; склонившись, он стремился уменьшить вес своего тела, но, несмотря на старания, он всё же поднялся чуть выше, оставаясь застрявшим только по бедра в песке. Друзья внимательно следили за ним, затаив дыхание, не смеючи произнести ни слова. Ао Чэнъи был осторожен на каждом шагу; у него был единственный шанс. Он крепко сжимал губы и передвигался вверх на чуть-чуть. Луч надежды вскоре начал таять, как сладкая грёза. Неожиданно веревка снова ослабла, и Ао Чэнъи, словно покинутый последней надеждой, вернулся к тому, от чего так отчаянно пытался выбраться, погрузившись в песок еще глубже. — Друзья, — произнёс Го Цзы, взглянув на своих товарищей. — Это стоит того. Если бы не мой старший брат, я бы давно погиб. Я живу, потому что он дал мне второй шанс. Эта жизнь — также жизнь Ао Чэнъи. — Брат, ты мой старший брат на всю жизнь, даже в следующей жизни тоже. С этими словами он внезапно вскочил и схватил Ао Чэнъи за ногу, поднимая его вверх. Остальные друзья удивленно посмотрели на него, так резко изменившегося. Ао Чэнъи нахмурился, резко потянул Го Цзы, который едва не погрузился с головой в песок. В его голосе прозвучала сталь, холод и строгость: — «Я не оставляю вокруг себя никого бездумного. Если еще раз так попробуешь — уходи». — Брат! — Го Цзы был в полном оцепенении. Он чувствовал себя бесполезным в команде. Не мог ни думать, ни действовать, только тянул за собой. Для него жизнь превратилась в бремя, и он считал себя готовым пожертвовать собой ради других. Но всё оказалось тщетным — в конце концов, он остался бесполезен. Друзья постепенно пришли в сознание и, если бы могли двигаться, были бы готовы врезать ему по лицу. — Неужели ты такой тупой? Кого ты можешь спасти своими силами? Зачем тебе жертвовать своей жизнью? — выпалил Фэн Тао, в сердцах высказывая правду. Го Цзы опустил голову. — Я просто не хочу, чтобы мы здесь погибли без смысла. Брат, жена и Лэ Бао ждут тебя. Если с тобой что-то случится, что они будут делать? Все вы лучше меня. Мне безразлично, если я, будучи с вами рядом, смогу помочь ему. — Го Цзы, мы едины, никто не слабее другого. То, кто должен жить, а кто умирать, не может решать кто-то один. Такие слова слишком ранят наше братство. Мы дольше всех оказались в пустыне, и никто не сдался. Мы надеемся, что моя невестка поможет мне и, выйдя на свежий воздух, я увижу небо. Неужели тебе действительно хочется умереть? Неужели это справедливо, что мы живём так трудно? — поучал Лу Чаоян, который всегда был мозговым центром группы. Го Цзы в смущении лишь шептал: — Я не хотел, я просто хотел что-то сделать для всех. — Ты будешь иметь возможность это сделать в будущем, не ищи себе смерти сейчас, — произнёс Дуан Цзянхэ, пристально глядя на него, ища в душе его безрассудство. — Верно, Го Цзы, я — тот, кто больше всех любит старшего брата. Не заставляй меня отбирать у тебя это. Я ещё ничего не сделал, а ты уже хочешь отдать свою жизнь? Это слишком! — выпалила Дин Цзяцзя, не скрывая своего гнева. Го Цзы только и знал, что молчать, его друзья атаковали его словами так, что он растерялся, и, покраснев, стоял в полном недоумении. Все молчали, воздух наполнялся тревогой. Они старались сохранять спокойствие, ведь перед лицом смерти им было ничего не страшно. Лу Чаоян посмотрел

вокруг, заметив, что его друзья слегка покачивают головами в знак поддержки, и произнёс: — Брат, иди в пространство. Ао Чэнъи опустил глаза, казалось, задумавшись, словно не слышал их призывов. Друзья начали нервничать: — Брат, Го Цзы прав. Жена и Лэ Бао ждут тебя. У тебя есть шанс спастись. Нет нужды умирать с нами. Если будешь жить, мы тоже выживем. Давай, входи в пространство. Ао Чэнъи открыл глаза: — Я не могу умереть. Я говорил, пока я дышу, я не позволю вам попасть в беду. Замолчите и берегите силы. Не знаю, что будет дальше. — Старший брат, — вздохнула команда. Ао Чэнъи поднял брови, уняв их, почувствовав безысходность и не зная, что делать. Тело продолжало погружаться. Когда желтый песок достигал груди, затем переходил к шее, давление давило, вызывая дискомфорт. Без кислородной маски они бы давно потеряли сознание. Чем выше они поднимались, тем сильнее смещение охватывало их разум, и ощущение удушья становилось невыносимым. Даже если бы они хотели действовать, уже было слишком поздно. Они лишь смотрели друг на друга, как братья на грани. Песок окутал головы, и смерть встала на горизонте. Ао Чэнъи внезапно открыл глаза в темноте, а его зрачки начали светиться, словно искры надежды. Лань Ширюо проснулась, вся в поту. Младший Лэ Бао недовольно зевнул, перевернулся и снова погрузился в сон. Лань Ширюо поцеловала его в щеку, поднялась, чтобы принять душ, а затем села перед зеркалом, погружившись в раздумья. На улице темнело, люди, отправившиеся на поиски припасов, начали возвращаться. В вилле закипели разговоры, изредка доносился шум — походка новых прибывших. Лань Ширюо прислушивалась, поняла, что Лэ Бао проснулась, позаботилась о ней и вывела из пространства. Друзья тоже проснулись, уютно устроившись в постели, не собираясь вставать. — Черт побери, этот холод, замерзну! — крикнул кто-то снаружи. Друзья прикрыли рот, хихикая от радости. Им было хорошо и тепло: группа женщин, свернувшись под одним одеялом, ведя разговоры и сплетни, создавала атмосферу безмятежности. Лань Ширюо вышла, взглянула, и присоединилась к ним в объятиях. Забросив младшего Лэ Бао в постель к Генералу Сяну и Брату Мышу, она позволила им играть друг с другом. После этого извлекла закуски и напитки, погружаясь в комфорт. — Как хорошо, было бы замечательно, если бы мы могли лежать так вечно, — произнесла Мяо Мяо, вертась и погружаясь в мягкие объятия Юн Шуй Яо. Юн Шуй Яо с недовольством оттолкнула её: — Не приходи в беспорядок, маленькая. Мяо Мяо надула губы и вновь устроилась в объятиях Хань Циньцюаня: — Лучше быть с братом, они все женщины, кому какое дело до кого. Хань Циньцюань холодно прищурилась, проигнорировав её, спокойно произнесла: — Когда я была человеком, я не жила как человек, а теперь, став монстром, веду себя, как в человеческом обличье.